

Юньинь, пристань Фэньчэн.

Юн И, остановившись на пристани, находился перед непрерывно текущей рекой Оман. Стояла пасмурная погода, небо заволочило тяжёлыми чёрными тучами, которые, казалось, свисали настолько низко, что почти задевали макушку Его Высочества.

От подобной тяжести, царившей в воздухе, трудно было дышать, из-за чего хотелось пожелать, чтобы раздался раскат грома среди чёрных облаков и разразился ливень[1] прямо на голову, смывая всю мирскую грязь без остатка[2].

А не как сейчас, лишь мрачное затишье и подавленность.

«Ле-эр, где же ты?»

Самой первой остановкой по пути из Юэчжун являлась пристань Фэньчэн. Ле-эр обещал оставить для него, Юн И, тайную метку, которая именно здесь и исчезла.

В первый день своего прибытия принц сразу же приказал своим людям тщательно разузнать о самых странных случаях, произошедших недавно в Фэньчэн. Самым скандальным оказалось дело о кукле князя Мина, о которой с шумом судачили на каждом углу[3].

Едва услышав об этом, Юн И немедленно убедился — данное дело, определённо, имело отношение к пропаже Ле-эра. Ведь стоит только чему-нибудь коснуться князя Мина из Силэй, Ле-эр ни за что не пройдёт мимо, это как если проблема затрагивает Ле-эра, он, Юн И, не оставит этого без внимания.

Всё выглядело настолько странным, что чувствовался привкус опасности. Никто не знал, откуда взялась глиняная кукла князя Мина. Однако все знали только, что Сюн-гэ, у которого неожиданно появилось прибыльное дельце, ежедневно приходил на пристань торговать этими самыми глиняными поделками. Продававший фигурки и получавший большую прибыль, а также главарь местной шпаны, Сюн-гэ был убит при загадочных обстоятельствах. Во время своего расследования Юн И выяснил — время, когда всё это случилось, оказалось приблизительно вскоре после пропажи Ле-эра. Ещё вызывало подозрение то, что после этого убийства почти всех, кто был тесно связан с Сюн-гэ и участвовал в торговле, постигла загадочная смерть, словно кто-то хотел уничтожить всех причастных.

В условиях, где невозможно разыскать и допросить свидетелей, Юн И, приказав своим людям продолжать расследование, всё же удалось кое-что выяснить и тщательно изучить необычный ход событий. В результате появилась небольшая зацепка — торговцы, как всегда распродав глиняные фигурки, в тот же день отправились в местный цзюлоу[4] пить вино и получать удовольствие. Притом каждый раз они занимали одну и ту же крытую комнату.

Юн И немедленно приказал тайком схватить и привести к нему хозяина цзюлоу, дабы последний взглянул на портрет Ле-эра. Осторожный хозяин спустя долгое время признал, что

изображённый на портрете красивый юноша действительно появлялся в его заведении, вдобавок занял крытую комнату, как раз соседствующую с комнатой Сюн-гэ, что касается времени его ухода и как он уехал, владелец цзюлоу темнил. Только после очень строго допроса принц получил от хозяина другую, не сказать, что улику, но всё же зацепку, которая, казалось, лишь косвенно связана с пропажей силэйца.

— Незадолго до смерти Сюн-гэ и его шайки человек, проработавший здесь три месяца, внезапно отказался от своей работы и покинул цзюлоу. Уходил он второпях, даже не потребовав плату за несколько дней.

Подобное слегка странное событие выглядело незначительным в отношении Ле-эра, но упускать из виду такое было нельзя. Юн И в ту же ночь приказал спешно найти опытного художника, чтобы хозяин вместе с остальными старыми работниками заведения описал внешность ушедшего мужчины, а мастер написал портрет, после чего его расклеить, обещая вознаграждение, и постараться как можно скорее этого человека поймать.

Большое денежное вознаграждение вместе с могуществом Его Высочества принца Юньинь всё же дали некий результат, и через несколько дней нашлись люди, тайно сообщившие о местонахождении внешне похожего мужчины, который, бросившись в бега, был пойман, а также доставлен в кратчайшие сроки принцу Юн И.

Однако, подвергшись допросу с применением жестоких пыток, этот с трудом пойманный свидетель в итоге, воспользовавшись небольшой небрежностью охраны, покончил жизнь самоубийством, отравившись спрятанным в рукаве ядом. И весь грандиозный поиск по поимке важного свидетеля, превратившегося позже в хладный труп, внезапно зашёл тупик.

От Ле-эра по-прежнему не было ни слуху, ни духу.

Сейчас, стоя перед рекой, Юн И вынужденно хранил молчание: при помощи прохладной воды, стремительно текущей перед глазами, принц уменьшал неописуемо гнетущие боль, что сжимала грудную клетку, и отчаяние. Его меч был спрятан в ножнах, скрывавшиеся тягостные тревоги безжалостно вымывались из сердца речным потоком, но после колющая боль, приводящая в содрогание и которая ни на волос не исчезала, снова и снова охватывала душу.

«Ле-эр, я совсем бесполезный, да?» — Юн И поднял голову, позволяя речному ветру скользить по омрачённому горем лицу, словно утешая. Каждый раз, закрывая глаза, Его Высочество мысленно возвращался в Юэчжун именно в момент прощания с Ле-эром, который, как и прежде, был полон бодрости и, сохраняя спокойствие, напоминал ловкого и хитрого лисёнка. Он не боялся ни неба, ни земли^[5] и, охваченный боевым духом, жаждал поскорей выполнить приказ в Тун, чтобы затем нагнать князя Мина в путешествии. Однако этот бойкий и подвижный силуэт бесследно исчез в Фэньчэн.

«Если бы тогда удалось его отговорить от поездки...»

— Ваше Высочество, — донёсся сзади голос приближённого, Ин Вэя.

Юн И обернулся.

Ин Вэй начал:

— Сегодняшний очередной отчёт лазутчиков наконец получен: руководствуясь Вашим строгим приказом, мы по всей окрестности Фэньчэн усилили меры предосторожности и тщательно обыскали каждого незнакомца. Вот только всё безрезультатно, от молодого господина Ле нет никакой информации.

На что Юн И с тяжёлым сердцем вернул:

— Тогда выяснили, что за яд был в рукаве покончившего с собой работника?

Но Ин Вэй удручённо покачал головой:

— Подчинённый отыскал самого лучшего лекаря в Юньинь и дал обследовать яд, но никакой зацепки не нашлось. Лекарь сказал, что это совершенно непростой яд: с мутной водой он впитывается в ткань рукава, стоит лишь лизнуть, как вещество, попав в горло, немедля способно убить человека. Создать настолько ужасный яд может не каждый.

— Не каждый... — пробормотал принц, повторив конец фразы, и медленно добавил: — Может быть, судя по тому, как он вынес пытки, к тому же решительно покончил с собой, этот умерший мужчина, определённо, до этого проходил строгую подготовку, которой обычно подвергают лазутчиков, вдобавок сохранил огромную верность своему хозяину. В Юньинь вряд ли существует столь безжалостный человек, я боюсь, что Ле-эр попал в руки кого-то из другой страны.

Ин Вэй как раз тоже опасался подобного, только не смел высказать своё мнение, дабы не отвергать Его Высочество в ещё большее беспокойство.

Но видя, как Юн И озвучивает мысли, мужчина вздохнул со словами:

— Если его схватил кто-то из другой страны, то, боюсь, подозрения в первую очередь падут на государство Ли. Но для чего правителю Ли устраивать такую огромную западню, чтобы поймать молодого господина Ле? К тому же даже мы заранее не знали, что молодой господин Ле отправится через Фэньчэн в Тун, тогда как люди правителя Ли об этом смогли догадаться?

Сделав глубокий вдох, втягивая носом запах речной воды, Его Высочество заставил себя успокоиться и прошептал:

— Сейчас не время подобным интересоваться, мне нужно лишь вернуть Ле-эра. Отправь людей в столицу передать письмо отцу-императору и моему младшему брату наследному принцу, скажи им, что моего важного близкого человека похитили негодяи, потребуй отправить в

Фэньчэн ещё людей, чтобы посодействовали в поисках.

— Слушаюсь!

— Расставьте людей вниз по реке, тщательно обследуйте все прилегающие к границе Ли заставы и проходы. Всё так же придерживайтесь моего первоначального приказа, пусть всякий раз народ, где бы кто ни находился, при виде чужака, зашедшего в город, немедленно докладывает местным чиновникам местоположение незнакомца, иначе сурово покараю.

— Слушаюсь!

— Следите за каждым торговцем шёлка — всякий раз, когда покупатель неизвестного происхождения, не жалея денег, покупает товар, тотчас же докладывает мне.

Ин Вэй недоумённо спросил:

— А зачем следить за торговцами шёлка?

Глаза сияли воодушевлением, сам же принц холодно процедил:

— Хоть допрос и не дал результатов, однако мы приблизительно поняли, что враг использовал фигурку глиняного князя, дабы заманить дичь в силки. Придумавший такой план человек обладает крайне острым умом, просчитал всё до мелочей, однако стоит учитывать не только положительные стороны характера, но и отрицательные. Этот человек обладает осторожностью и храбростью, но в то же время он крайне самодовольный. Ты ничего не заметил? Хоть он обрядил глиняного князя Мина в платье из обычной синей ткани, однако пояс на талии фигурки сделан из шёлка.

Ин Вэй вздрогнул, чёрные глаза внезапно просияли, и мужчина начал:

— Неужели этот тип любит шёлковую ткань? Даже если он купил шёлк, то как узнать, что он в состоянии потратиться на него?

— Шпион не знает своего будущего, потому спокойно проживает данный момент, ведь кто знает, что случится через мгновение и какой ждёт финал? Охваченный подобным настроением, человек зачастую, несмотря на большую сумму, даёт себе волю, покупая любимые вещи. Тем более, если это действительно шпион Ли, то он изначально с безразличием относится к деньгам, ведь Жо Янь совершенно не скупой государь.

Закончив говорить, Юн И поднял голову и, бросив взгляд на давящие чёрные тучи, блёкло добавил:

— Противник действует аккуратно, убирает свидетелей, не оставляя нам никакой зацепки для расследования, сейчас перед глазами путаница и глухой тупик. Потому нам придётся воспользоваться другим способом, раскинув повсеместно сети, и все, без исключения, подозрительные места тщательно проверять, не пропуская даже мельчайшего закоулка. Понимаешь?

— Да, Ваш подчинённый понимает.

Слегка вздохнув, принц закрыл глаза и заговорил про себя: «Ле-эр, я обязательно найду тебя».

Донёсся грохот. В быстро сгустившихся иссиня-чёрных тучах, что нависли над головой, прокатился приглушённый громовой рокот. Наконец-то обрушился уже давно намечавшийся ливень.

А тем временем в Тяньинь прибыли два секретных письма, одно из которых было от Юй Лана.

Юй Лан являлся человеком, не терпящим пустословия, и этот раз при встрече с Жо Янем не стал исключением. Мужчина в тайном письме к государю сказал откровенно — текущий план выполнен лишь наполовину, однако стоило заполучить вэньлань, и тогда можно было продолжить. Мужчина собирался пристально следить за действиями силэйского князя, но просил государя набраться терпения.

Второе письмо пришло как раз из столицы Ли — Литун, от Мяо Гуан, которая в отсутствие старшего брата-императора занималась делами государства. В своём послании девушка слёзно и неоднократно умоляла Его Величество вернуться в столицу. Поскольку, даже будучи высокочтимой принцессой, она — в глазах министров — не могла сравниться с правителем.

Жо Янь, отправившись в Фаньцзя, по дороге передал командование армией своим генералам, подобного с самого начала никто не ожидал. Также никто не предполагал, что вместо того, чтобы вернуться в свой столичный дворец, по необъяснимой причине император остановился в ветхом и захудалом городке Тяньинь, заставляя министров встревожиться.

Мировое положение становилось более шатким. Борьба за престол Силэй; указ «О равной милости», который продвинулся дальше, распространяясь среди народа; князь Мин, с уверенностью въехавший в земли Тун, и невозможность узнать новости о могущественном враге, Жун Тяне...

Ещё и Дунфань, где тот мужчина из рода Ле, называвший себя министром, назначенный Жун Тянем, затевал неизвестно что. Из-за слухов, за которыми невозможно было уследить, что проникали в стены дворца Ли, министры требовали возвращения их мудрого правителя в императорский дворец обратно к ним.

Быстро пробежавшись взглядом по двум посланиям, Жо Янь погрузился в долгое размышление.

Его Величество был немного знаком с нынешним положением Фэн Мина.

Сейчас силэйский князь Мин своими действиями напоминал сладкого муравьишку на чистом зеркале, привлекая внимание со всех сторон, причём настолько, что не только Ли, но и, возможно, каждое из государств послало лазутчиков тайно наблюдать за расцветающим день ото дня выдающимся мужчиной, который находился под охраной как людей Жун Тяня, так и семьи Сяо, даже охрана тунского Цин Чжана взяла князя «под крыло». Если бы Жо Янь захотел подвергнуть Его Светлость какой-либо опасности, то в подобной ситуации такое повернуть было бы не так-то просто.

Потому изложенный Юй Ланом план требовал оставаться терпеливым и выжидать удобного момента; хоть терпению Жо Яня приходил конец, а сам правитель Ли кипел от недовольства, но умом понимал — слова Юй Лана звучали разумно.

Ожидая, когда добыча угодит в ловушку, хороший охотник знал, как сдерживать собственное томление. А Жо Янь являлся хорошим охотником. Спустя два дня после получения посланий правитель Ли наконец-то стал действовать и, возглавив группу из нескольких приближённых, а также охранников, вместе с войском ступил на дорогу, ведущую обратно в Литун.

Сы Цян по-прежнему являлся тем самым избранным, кто постоянно находился в чёрном прекрасном императорском шатре, где возлежал с господином.

— И почему ваши глаза так похожи? — Жо Яню нравилось приказывать юноше закрыть глаза, после чего мужчина кончиками пальцев скользил по нежным векам.

Без возможности выплеснуть свою мощь в желанную добычу, мужчина полностью изливался в тело юного красивого мальчика, находящегося подле него. Изредка по неосторожности правитель Ли вместе с обуявшими его яростью и жаждой выплёскивал лёгкую нотку нежности, которая, подобно иголке, попавшей в безмолвную озёрную воду, вновь и вновь жалила своим остриём, возбуждая крайне чувствительную точку Сы Цяна. Сам же юноша с удовольствием выступал в качестве добычи Жо Яня, позволяя неукротимой силе, исходящей от Его Величества, захлестнуть с головой.

Всевозможные стоны и нежное дыхание теперь не исходили ради простого заискивания, как это было раньше. Юному наложнику, познавшему «ласки» Жо Яня, нравилось, когда государь, вторгаясь в тело, овладевал им, даже если это сопровождалось мучительной болью, и, находясь в крепких объятиях правителя Ли, Сы Цян глубоко в душе, ещё больше сгорая от страсти, гордился при мысли, что некоторые вещи он всё же отнял у силэйского князя Мина.

О подобной гордыне никому нельзя было обмолвиться, даже просто позволить ей промелькнуть в сознании считалось преступлением. Узнай о ней государь, может быть, немедля убил бы несчастного. Сы Цян понимал — это лишь его сумасбродные мечты, и, сдерживая прорастающее в сердце тщедушие, юноша осторожной украдкой бросал задумчивый взгляд на проверяющего государственные документы Жо Яня.

Сы Цян, храня свой маленький секрет, радовался и ещё усерднее прислуживал Жо Яню. Однако отношение правителя Ли к наложнику со временем несколько не изменилось, император Ли одаривал его холодным и бесчувственным взглядом, как и остальных людей, словно видел в юноше лишь инструмент, который можно использовать, когда придёт время.

Только... когда Жо Янь покрывал его, Сы Цяна, нежными поцелуями, а с уст слетало тихое «Фэн Мин» — что напоминало сон — это было исключением из правил. Сы Цяна охватывало истинное удивление, с чего вдруг этот человек, по имени Фэн Мин, постоянно присутствовал в мыслях государя, которого даже не любил, однако позволял Его Величеству всё время думать, как заполучить его.

«Отчего имя Его Светлости так очаровывало?» — раздумывая над подобными вопросами, наложник иногда внезапно со злостью сжимал в руках лежащую рядом шёлковую ленту или уголок опущенной занавески и постоянно, приходя в себя, выпускал из пальцев, пока никто не видел.

Красивому мальчику[6] необходимо было обладать множеством элементарных знаний, наряду с этим запрещалась лишь одна важная деталь — ему не разрешалось ревновать. Он находился рядом, чтобы радовать господина, а не спорить с ним. Все остальные, не уяснившие данного правила, заканчивали очень печально.

Сы Цян настойчиво запрещал себе бросаться от одной мысли к другой, лучше стоило всем сердцем и всеми помыслами прислуживать сильному государю. Но вечером предшествующего дня, отправившись в Литун, Жо Янь, вторгаясь в тело юноши, приказал закрыть глаза, после чего нежно задал вопрос:

— Если я обзаведусь императрицей, ты согласишься по-прежнему остаться подле меня?

В один миг Сы Цян застыл, но спустя минуту он всё понял — государь спрашивал того мужчину по имени Фэн Мин, а вовсе не его, наложника.

Только сейчас Сы Цян вспомнил однажды подслушанный им разговор о том, что государь уже некогда был женат, но императрица вскоре умерла. Сам же правитель Ли раньше сближался и с женщинами тоже, однако на памяти наложника Его Величество ни разу не призывал женщин прислуживать ему.

«Неужели государь в душе тоскует лишь по тому единственному любимому мужчине?» — беспорядочные мысли охватили разум юноши, но внезапно слух тронул приказ Его Величества.

— Сы Цян, по возвращении в Литун я хочу, чтобы ты отправился прислуживать одному человеку.

Примечания:

[1] 大雨倾盆(dà yǔ qīng péng) — да юй цин пэнь — дождь идет ливнем, как из ведра.

[2] В оригинале фраза звучит 落花流水(luò huā liú shuǐ) — лохуа люшуй — «оппадают цветы, утекает вода», обр. в знач.: отцветание природы, полный упадок, запустение.

[3] В оригинале фраза звучит как 沸沸扬扬(fèi fèi yáng yáng) — фэйфэйянян — «бурлить, клокотать (о громком гуле голосов)», также обр. о быстро распространяющихся слухах, сенсациях.

[4] Кабачок; трактир.

[5] Обр. в знач.: ничего на свете не бояться; не знать страха.

[6] 郎(láng) — луаньтун — 1) красивый мальчик; 2) любимый мальчик; мальчик для утех взрослого мужчины.

<http://bllate.org/book/13377/1584216>